

Неужели я снова потерпела неудачу?

И в тот же миг, когда я уже почти совсем отчаялась, Генрих продолжил с безэмоциональным лицом.

— Решай сама. Какое наказание ты получишь за ложь и пустую трату моего времени?

Услышав это, я поняла, что Генрих дает мне шанс.

Он предложил мне вариант.

— Ну, тогда...

Пытаясь скрыть свою радость, я вытянул пальцы и указал на Генриха.

Вернее, на тарелку перед ним.

— Это все, что я буду есть сегодня на завтрак.

— Ты имеешь в виду этот сэндвич?

— Да, и я буду голодать до обеда.

На лице графа Семонда появились признаки смущения. Но вскоре он снова улыбнулся и попытался отговорить Генриха.

— Ваше Высочество, однако, она ребенок, и позволить ей голодать — это...

— Если ты этого хочешь, то ты этого заслуживаешь. Пошевеливайся.

Я видела, как граф Семонд, снова проигнорированный Генрихом, в течение примерно доли секунды сыпал проклятиями.

Тем временем Пейна поставила передо мной порцию сэндвича Генриха.

Я слегка подмигнула ей, показывая, что все нормально, она с тревогой посмотрела на меня, а затем заглянула в начинку бутерброда.

Внутри — овощи, салат-латук, несколько видов соусов и тонкий ломтик ветчины.

И ИКОРИЛ.

Он был кислым, когда я осторожно понюхала его. Это точно икорил!

— О-остановитесь! Простите вашу дочь, Ваше Превосходительство. Не будет ли слишком жестоко позволить ребенку съесть только это?

Граф Семонд, кажется, был на взводе, когда я получила бутерброд, содержащий отраву.

Что толку, если умрет бесполезный и не представляющий угрозы ребенок? Это только сильнее разозлило бы Генриха.

Конечно, я тоже не намерена умирать. И обратилась к графу с максимально невинным лицом.

— Простите, граф, вы учили меня не лгать, это дурные манеры.

— ...Нет, это потому, что я был недостаточно хорошим воспитателем.

Он сразу же попался и дал именно тот ответ, который я хотела услышать.

— Нет, граф, вы не сделали ничего плохого. Это все моя вина. Работа, ложь, все, что я рассказала.

Взгляд Генриха обратился ко мне.

— Это все правда?

— ...Да.

«То есть нет».

Генрих, казалось, что-то понял наконец, и прежде чем я успела это осознать, отложил столовые приборы и заговорил с графом, который начал покрываться холодным потом.

— Я виню вас в том, что она осталась без опеки и выросла таким избалованным ребенком. Вы заслуживаете наказания вместо моей дочери.

Говоря это, Генрих смотрел на меня.

— Какое наказание он заслуживает?

Он верит в меня!

Едва сдерживая смех от радости и волнения, я сказала, протягивая графу Семонду тарелку с бутербродами:

— Ну, я бы хотела, чтобы вы съели это вместо меня.

— Что?.. Что-о?

— Вообще-то, я не люблю овощи.

Затем я улыбнулась и просто моргала, приняв максимально наивный вид «я ничего не знаю».

Графа Семонда стремительно побледнел.

— Неплохо. Как вы и сказали, я не могу позволить маленькому ребенку голодать до обеда, накормив ее только сэндвичем с овощами.

Наконец-то Генрих начал мне помогать!

От волнения я поджала ноги под столом, но верхняя часть моего тела была очень торжественной и серьезно неподвижной.

Генрих продолжал с холодным лицом:

— Раз уж вы так обеспокоены, то понесете наказание вместо моего ребенка. Это всего лишь поедание бутерброда.

— Граф, вы обычно едите все, что мне не нравится! — я звонко выкрикнула это хорошо поставленным голосом.

Граф Семонд уже стал бледнее ломтиков хлеба, между которыми по его приказу повар положил икорил.

Теперь даже Генрих смотрел на него с видом «я ничего не знаю», что было еще более неловко.

Графу Семонду некуда было отступить.

Если он откажется, то выяснится, что я не лгала, а если не откажется, то съест бутерброд с ядом.

— Вы так заботились о моем ребенке. Я хотел бы сам увидеть, как это было.

Граф Семонд даже посинел от слов Генриха.

Пейна тактично пододвинула стоящую передо мной тарелку к графу Семонду.

Я видела, как дико дрожали его руки. Глаза Генриха сузились, когда он тоже заметил это.

— Что случилось?

— В-ваше Превосходительство, в этом стыдно признаваться, но дело в том, что я тоже не очень люблю овощи...

— Ложь!!!

В этот момент я вскочила, громко крича.

Стало ясно, что Генрих теперь полностью на моей стороне.

Возможно, именно поэтому я больше не чувствовала страха перед графом Семондом. Напротив, во мне поднялась смелость.

— Вы — лжец. Граф, я знаю, что там внутри. По вашему приказу в бутерброд подложили отраву! Вы заплатили повару! Вы сказали скормить икорил герцогу!

Щеки графа Семонда начали дико трястись, а слуги и охрана были потрясены.

Я наклонила голову к графу Семонду с ледяным лицом, шепча с сарказмом:

— Расскажите-ка, с кем вы встречались на рассвете и зачем.

— Я...

Грохот!

Грубо толкнув стул, граф Семонд вскочил на ноги, словно не в силах сдержать свой гнев.

В то же время со всех сторон слышался лязг наточенного металла. Рыцари в унисон вытащили мечи и наставили на графа Семонда.

— Проверьте все блюда, — очень спокойно приказал слугам Генрих.

Слуги один за другим проверили содержимое бутербродов в тарелках и закричали:

— Как и сказала госпожа, там содержится икорил!

— Это проясняет ситуацию.

Голос Генриха был холоден.

Вскоре он свирепым взглядом уставился на графа Семонда.

— Что ж, вы сделали из моего ребенка дурака, который не научился даже быть вежливым.

— В-ваше Превосходительство, это недоразумение! Э-это...

— Я не думаю, что стоит слушать историю человека, который уже однажды предал мое доверие. Но мне еще есть о чем тебя спросить.

Генрих, поднявшись со своего места, бесстрастно отдал приказ:

— Держите графа Семонда в тюрьме в подвале, и я лично буду его допрашивать. Найдите всех рыцарей и слуг, сопровождавших графа Семонда, и поваров, участвовавшего в этом покушении, чтобы они и шагу не могли ступить за пределы замка.

— Ваше Превосходительство, Ваше Превосходительство! О, боже мой! Ваше Высочество!